

© 1997 г. С.Г. ВОРКАЧЕВ

БЕЗРАЗЛИЧИЕ КАК ЭТНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Прежде всего, безразличие является оператором неклассических модальных логик, в которых оно выступает в качестве межи, разделяющей области запретного и разрешенного, желательного и нежелательного, хорошего и плохого и пр. В семантике естественного языка показатели безразличия, помимо передачи логических отношений равенства и/или равноценности альтернатив модального выбора, участвуют в формировании психологических отношений, передавая такие моральные чувства и качества, как презрение, равнодушие, бесстрашие, бесстыдство.

Личность как совокупность социально значимых духовных и физических качеств индивида [Психология 1990: 193; Drever 1981: 208] в лингвистическом аспекте рассматривается как речевая, идиолектная личность и личность языковая, этносемантическая. И если под речевой личностью понимается человек как носитель речи, обладающий способностью к использованию языковой системы в целом в своей деятельности [Богин 1986: 3; Богин 1975: 3], то под личностью собственно языковой, "словарной" [Карасик 1994], следует понимать, очевидно, закрепленный преимущественно в лексической системе языка базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры речевой личности [Караулов 1987: 39; Сентенберг 1994: 14].

Безразличие – оператор субъективно-модальной оценки, а оценка наряду с мотивами, интересами, установками, убеждениями и идеалами составляет основу "духовной личности" [Джемс 1982: 61] человека. В процессе же социального взаимодействия безразличию человека к выбору той или иной этической альтернативы ("добра" или "зла") в той или иной социально значимой ситуации может даваться оценка, и тогда оно уже выступает в форме моральной характеристики (качества) личности.

Общепризнано, что понятийная система, которой мы пользуемся в повседневной жизни, содержится в лексическом составе языка [Кабакова: 100]. Эта же понятийная система, по мнению этнолингвистов, неразрывно связана с культурой носителей естественного языка [Сепир: 193–194] и, тем самым, этносемантически маркирована. И, естественно, наиболее отмеченной национально-культурной спецификой является такая сфера лексической системы естественного языка, как фразеология, составной частью которой являются паремии: пословицы, поговорки, афоризмы, присловия, загадки и пр. Особый интерес для изучения черт этносемантической личности представляют паремии, в число отличительных признаков которых включена метафоричность общего смысла – пословицы и поговорки [Пермяков: 47], обладающие помимо прямого, буквального значения еще и переносным, отправляющим к людским характерам, житейским ситуациям и обстоятельствам. Тем самым, семиологически паремии этого типа представляют собой элементы коннотативной системы, по определению Р. Барта, т.е. системы, план выражения которой сам является знаковой системой [Барт 1975: 157] и составлен из значимых двуплановых единиц, обладающих своими собственными планом выражения и планом содержания. Соответственно, лексические единицы этого вида могут содержать межъязыковые отличия не только

на уровне "первого семантического этажа" – уровне отражаемых ими реалий, но и на уровне своего второго, "коннотативного этажа", отсылающего к "морали" – представлениям говорящих об этических, деонтических и прочих нормах, иллюстрируемых определенными житейскими ситуациями.

В качестве материала для этносемантического сопоставления в работе берутся метафоризированные паремиологические единицы – пословицы и поговорки – русского и испанского языков (использовались следующие фразеологические и паремиологические словари: [РПП 1988; ИРФС 1985; ФСРЯ 1986], передающие в том или ином виде значение безразличия. Эталон для межъязыкового этносемантического сопоставления является понятие безразличия, принадлежащее к числу неопределимых единиц "языка мысли" – индефинибилий – и принимающее значение лишь в системе операторов какой-либо конкретной модально-оценочной логики. Сопоставлять же единицы, передающие безразличие в этих языках, непосредственно по количественному и качественному семантическому составу, как это делается, например, с понятием любви [Воркачев 1995], оказывается невозможным, и при анализе приходится оперировать такими косвенными семантическими признаками этого концепта, как характер объекта оценки, уровень коммуникативной реализации (предикация-пресуппозиция), план денотации – план коннотации и наличие-отсутствие этической оценки.

Определяющим классификационным признаком, на основании которого выделяются функционально-семантические типы показателей безразличия, является характер оцениваемого объекта. Прежде всего, здесь выделяется эпистемическое безразличие, объектом которого является множество единиц, задаваемых каким-либо категориальным признаком: всякий, любой, какой угодно из предметов, принадлежащих к классу X. Объектом же собственно, аксиологического безразличия является преимущественно бинарное множество альтернатив предикативного или атрибутивного выбора: все равно, безразлично Р или не-Р (ни хороший, ни плохой). В семантическом составе единиц, его передающих, безразличие может занимать также и периферийное место, включаясь в число имплицитных смыслов: оно входит в семантический состав уступки, компенсации, смирения и пр.

Наименее представленной в количественном отношении в обоих языках является группа метафоризованных паремий, отправляющих к эпистемическому безразличию – безразличию к выбору представителя из класса объектов, заданного каким-либо категориальным признаком. Прежде всего, здесь выделяется группа показателей, отсылающих к идентичности двух или более предметов. В русском языке сюда входят фразеологизмы *одного/того же поля ягода*, (*гусы/кулик да гагара*) *два сапога пара*, из *одного/того же теста*, из *одной плахи вытесаны*, *одной масти*, (*все*) *черти одной шерсти*, *одна бражка/шайка-лейка*, на *один покрой*, *одним мирром мазаны*, *того же пошиба/сорта/склада*, *оба хороши*, *один другого стоит*, *муж и жена – одна сатана*/из *одного кремня искра*. В испанском языке эту подгруппу представляют фразеологизмы *del mismo pelo/palo/jaez*; *de la misma rama/madera/escuela/cosecha/cepa/camada/calaña*; *ser cartas del mismo palo*; *estar hecho del mismo barro*; *ser todos unos*; *cortados por la misma tejera/por el mismo (por un) patrón*; *tal para cual*; *ser remiendo del mismo paño*; *ser dos peines*; *ser uno de la hoja* (Экв.); *darse la(s) mono(s)*; *darse (en) las gamarras*; *ser coyotes de la misma loma*; *encontrar/topar Sancho con su rocín*; *de bruto no va nada*. Как можно заметить основная масса подобных показателей в русском и в испанском языках по своей "внутренней форме" совпадают: категориальный признак множества, на основании которого отождествляются объекты, задается чаще всего материалом, из которого они сделаны (русск. *тесто*, *плаха*, исп. *madera* "дерево", *barro* "глина", *paño* "ткань"), способом, которым они изготовлены (русск. *покрой*, *пошиб*, исп. *tejera* "лезвие", *patrón* "шаблон"), общим происхождением (русск. *порода*, исп. *camada* "помет", *sepa* "лоза", *chata* "ветка", *cosecha* "урожай", *escuela* "школа") или "анонимным" указанием на общность качественного разряда (русск. *сорт*, *склад*, исп. *jaez*

"характер, пошиб"; *calaña* "образчик, нрав, склад". Наиболее употребительными в русском языке являются, однако, вполне "самобытные" фразеологизмы *одного поля ягода* и *два сапога пара*. Русскому языку более свойственны такие образования, отправляющие к идентичности объектов, отличающихся тем не менее несущественным признаком, как *та же щука, да под хреном*; *тот же блин, да на (другом) блюде (да подмазан)*; *тот же Савка, да на иных санках*; *тот же шиворот, да навыворот*; *те же порты, да назад узлом*; *те же шаньги, да только пожже*; *те же щи, да в другую тарелку*; *тех же господ, да самый испод*; *тех же Сысоев, да пожже*; *тех же щей, да пожже/погуце влей*; *старая песня на новый лад*. В испанском языке здесь фигурируют лишь единицы *la misma jeringa con diferente palo* и *los mismos perros con diferentes collares*. Русские фразеологизмы этого типа в речевом употреблении чаще всего отмечены полемичностью как направленностью на опровержение чьего-либо мнения. Идентифицирующие метафоризованные показатели безразличия к выбору представителя из класса, заданного каким-либо признаком, в соответствии с общей языковой асимметрией аксиологической оценки [Вольф 1985: 19–21], они в большинстве своем являются носителями отрицательных коннотаций, их употребление свидетельствует об отрицательной оценке говорящим отождествляемых объектов.

Другую, относительно немногочисленную подгруппу показателей этого функционально-семантического разряда составляют метафоризованные единицы, отправляющие к безразличию в выборе способа действия. В русском языке сюда входят лишь фразеологизмы *не мытьем, так катаньем*; *не скоком, так боком*; *всеми правдами и неправдами*; *как ни крути, как ни верти*. В испанском языке эта подгруппа несколько представительнее и включает единицы *por la(s) buena(s) o por la(s) mala(s)*; *de haldas o de mangas*; *que lo mire como quiera/mirese como se quiera*; *por más vueltas que le des/que se le dé*; *lo que no pasa por testamento pasa por el codicillo*; *por cel/hache o por be*; *unas veces por haches y otras por evres*; *unas veces por pitos y otras por flautas*; *unas veces por trancas y otras por barrancas*; *unas veces por una cosa y otras por otra*; *hay muchas maneras de matar pulgas*. В обоих языках здесь выделяются два семантических типа показателей: передающие безразличие собственно к выбору способа действия (русск. *не мытьем, так катаньем*; исп. *por las buenas o por las malas*) и уступительного характера (русск. *как ни крути, как ни верти*; исп. *por más vueltas que le des*). Все они не имеют каких-либо четких оценочных коннотаций.

Относительно обширная группа метафоризованных паремий представлена единицами, передающими в языке посредственность – "серую полосу" нормативной оценки: речь идет не о равноценности альтернатив оценочного выбора, а скорее о неопределенности, невозможности подобного выбора [Воркачев 1992: 1–3]. Специфическими чертами этого функционально-семантического разряда показателей безразличия являются их атрибутивность, личностная направленность и присутствие оценочных коннотаций.

И в русском, и в испанском языках отрицательно оценивается заурядность личности, ее невыделенность из ряда, отсутствие четких индивидуальных черт, составляющие в представлении носителей этих языков своего рода "антинорму". В русском языке в подразряд "заурядности" входят метафоризованные фразеологизмы типа *пороху не выдумает, звезд с неба не хватает, (на) рубль пучок/кучка, средней паршивости*; в испанском языке входящий в эту группу ряд единиц значительно длиннее: *de poca altura, ni chico ni grande, de la cesta (del montón), media cuchara, no dar (uno) de sí/para más, no ser muy allá, no ser (uno) gran (muy) diablo, de pocas/cortas luces, no hará muchos milagros, no haber inventado la pólvora, ser uno de tantos, no ser ningún sabio/ningún Salomón (no tener nada de Salomón)*. Как можно видеть, в этой семантической подгруппе калькируется лишь фразеологизм *не выдумать пороха* = *no inventar la pólvora*.

В культурно-лингвистическом социуме носителей и русского и испанского языков оценивается также отрицательно качественная неопределенность личности – "половинчатость". Здесь, однако, представительнее русская семантическая подгруппа, включающая единицы типа *русс. ни рыба, ни мясо (ни кафтан, ни ряса); (упрямый что лукавый): ни богу свечка, ни черту кочерга; ни в баню ожег, ни в избу клюка; ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; ни в дышло, ни в оглоблю; ни в дудочку, ни в сопелочку; ни везет, ни едет; ни два, ни полтора; и похулить грешно, и похвалить не за что; ни себе не гош, ни людям не пригош; ни мертвеца рассмешишь, ни дурака научить; (и стала наша Елена) ни пава, ни ворона; ни шатко, ни валко (ни на сторону); и нашим и вашим; не мычит и не телится; от ворон отстала, а к павам не пристала; в ужицы не попал и из дураков не вышел*. В испанском языке эта семантическая подгруппа значительно беднее: *ni blanco ni negro, ni moro ni cristiano, ni carne ni pescado, ni chicha ni limonada, ni sal ni agua, ni rey ni roque, ni huele ni hiede, no decir nada, pato soso*. Семантически калькируется здесь на уровне денотатов лишь фразеологизм *ни рыба, ни мясо = ni carne ni pescado*.

Третья семантическая подгруппа показателей "посредственности", тем не менее, и в русском, и в испанском языках не имеет отрицательных оценочных коннотаций своего объекта и отправляет к его "сносности" – пригодности для каких-либо целей. Эта подгруппа также представительнее в русском языке и включает метафоризованные паремии *сойдет (в темноте) за третий сорт, с поганой овцы хоть шерсти клок, на безрыбье и рак рыба, на бесптичье и ворона соловей, на безлюдьи и сидни в чести/и Фома дворянин, промеж слепых и кривой – первый царь, доброму вору (бедному да вору) всякая одежда впору*. В испанском языке сюда входят единицы *a falta de pan buenas son tortas, cuando no hay pan se some cazabe; Bueno tendrá Juana el trapo*.

Наиболее представительным по числу входящих в него единиц в обоих языках является функционально-семантический разряд метафоризованных показателей безразличия к выбору из нескольких (преимущественно двух – Р и не-Р) предикативных альтернатив. Как уже отмечалось, безразличие отправляет к *равноценности* альтернатив модального выбора, однако равноценность сама по себе предполагает как равное отсутствие ценности, так и положительную либо отрицательную оценку этих альтернатив – обе они могут быть хороши или плохи.

К равноценности отрицательных альтернатив отправляют в русском языке метафоризованные паремии типа *из огня да в полымя; хрен редьки не слаще/не смейся хрен, не слаще редьки; от беды бежал да на другую попал/от горя бежал да в беду попал; бежал от волка, попал на медведя; попасть от дождя да под капель; только и ходу, что из огня да в воду; не умер Данила, так болячка задавила; все одно, что хлеб, что рябина: оба кислы; все едино, что в лоб, что в голову; что выпить, что вылить – все равно; что голому, что нагому – не легче; горшок котлу завидует, а оба черны*. В испанском языке к равноценности выбора отрицательных альтернатив отправляют идиомы *de Anas a Caifas; huir del fuego y caer (dar) en las llamas; salir de Guatemala y caer en Guatapeor; salir de lagunas y entrar en mojadas; salir del lodo y caer en el arroyo; salir de Málaga y entrar en Malagón; saltar de la sartén y dar en las brasas; escapar del trueno y dar en el relámpago; andar de zocos en colodros; lo mismo le da zurras que azotes en el culo*. Семантически калькированы в этой подгруппе лишь выражения *из огня да в полымя = Huir del fuego y caer/dar en las llamas*. Значительно реже в обоих языках метафоризованными паремиями передается равноценность выбора положительных альтернатив: в русском языке это единицы *пар костей не ломит, кашу маслом не испортишь, береженого бог бережет, от добра добра не ищут, запас меишу не порча/карман не тянет/соли не просит*, в испанском – *a nadie le amarga un*

dulce, miel sobre hojuelas, por mucho pan no (nunca) es mal año, el miedo guarda la viña, el miedo no es zonzo ni junta rabia.

Основная же масса метафоризованных паремий, передающих безразличие к выбору предикативных альтернатив, аксиологически немаркирована, оценочно нейтральна относительно своего объекта. Семантически их структура построена главным образом на сопоставлении синонимов либо близких или смежных понятий: русск. *что в лоб, что по лбу; баран овцы стоит; что съел, что скушал; что дерево, что бревно; нам все равно – что поп, что батька/кто ни поп, тот батька/что ни поп, то батька*; исп. *que arriba que abajo; que antes que después; que chico que grande; morlés de Morlés etc.* В испанском языке широко представлены аксиологически и семантически (по объекту) немаркированные паремии, образованные фразеологическим распространением лексем – типичных показателей безразличия: *dales lo mismo/igual: lo mismo le da atrás que adelante; lo mismo es ñangá que ñanqué; las mismas yucas arranca; darle a uno igual cesta que ballesta; lo mismo/igual le da a cuestas que al hombro; por lo que va que por lo que viene, macho que mula, a tuertas que a derechas.* В русском языке, как правило, компаративная часть не фразеологизируется: *(ему) все равно/едино/одно, что X, что Y.*

Аффектированное, эмфатическое безразличие общего типа в русском и в испанском языках передается паремиями, содержащими глагол в форме опатива: *гори оно все синим огнем/пламенем; пропади оно (все) пропадом; у que se hunda el mundo/el cielo; ándese la gaita por el lugar; ¡jea!, ¡jea! si soy fea que lo sea.*

Однако большая часть метафоризованных паремий этого типа специфицированы своим объектом.

Безразличие, включенное в межличностные отношения, становится моральной характеристикой (качеством) личности и его субъект в этом случае аксиологически маркирован: относясь с безразличием к партнерам по социальному взаимодействию либо к себе самому, он поступает хорошо или плохо [Воркачев 1993: 20].

Чаще всего оценка моральных качеств языковой личности присутствует в семантическом составе метафоризованных паремий, объединяемых безразличием субъекта к последствиям его поступков, проявляющимся как готовность рисковать, т.е. действовать в ситуации неопределенности успеха. Если этот риск оправдан, то безразличие к опасности получает положительную аксиологическую оценку и трактуется как смелость, храбрость, если же он неоправдан, то его субъект считается человеком бесшабашным и неосмотрительным.

Метафоризованные паремии, отправляющие к смелости субъекта безразличия, особенно многочисленны в русском языке. Они могут говорить о его м а к с и - м а л и з м е: *либо/или грудь в крестах, либо/или голова в кустах; либо/или полон двор, либо/или с корнем вон; или/либо пан, или/либо пропал; или/либо сена клоч, или/либо вилы в бок; или/либо полковник, или/либо покойник; либо мед пить, либо битую быть; либо каши горшок, либо рогуча (ухватом) в бок; либо добыть, либо домой не быть; помирать так с музыкой.* В испанском языке максимализм передается от силы тремя паремиями: *ayunar o comer trucha; a morir o a matarla matar o a morir; si alguna vez voy al infierno que sea en cochelya que me lleve el diablo, que sea en coche.* Эти паремии могут говорить о готовности субъекта рисковать: русск. *распутья бояться, так и в путь не ходить; треску бояться – и в лесу не ходить; лягушек бояться – в реке не купаться; медведя бояться, так ягод не видеть; не ходи в лес, коли зайца боишься; в баню идти – пару не бояться; волков бояться – в лес не ходить; несчастья бояться – счастья не видеть; голый разбоя не боится; огонь кочерги не боится; не страшна мертвому могила.* Смелость как безразличие субъекта к возможным печальным для него последствиям собственных действий в испанском языке передают паремии *aquí morirá Sansón con todos los filisteos/aquí morirá Sansón y*

cuantos con él; a la quiebra; a la primera va la vencida; no hay más que cerrar los ojos; el no ya lo tengo, voy a buscar el sí; ¡que arda Troya!; ¡arda Bayona!; ¡ancha Castilla!; salga el sol por Antequera (y póngase por donde queira)/salga el sol por donde quiera; valga lo que valiere; echar por en medio/partir (en) medio; arrojar uno a la mar; adelante con los faroles; dure como durase, como cuchara de pan; no es tan fiero el león como lo pintan; в русском – попытка не пытка; не так страшен черт, как его малюют; бог не выдast – свинья не съест; валяй, не гляди, что будет впереди; живы будем – не помрем; кому суждено быть повешенным, тот не утонет; о двух головах; где наша не пропадала. В обоих языках есть поговорки, основанные на равенстве наказания за одно или несколько преступлений (русс. семь бед – один ответ; исп. preso por mil, preso por mil y quinientos), но лишь в русском языке обильно представлена группа единиц, связанных с безразличием к опасности и гибели, основанным на том, что человек все равно умрет: двум смертям не бывать, а одной не миновать; мрут не дважды, а однажды – не миновать/по дважды не умирают, однажды не миновать; раньше смерти не умирают; один конец.

Бесшабашность передается поговорками (пьяному) море по колено, а лужа – по уши; пустой голове все трын-трава; безразличие к последствиям собственных действий для окружающих передается идиомами а там хоть трава не расти; после нас хоть потоп.

Оценка моральных качеств личности в целом связана с соблюдением либо нарушением субъектом определенных этических норм: в случае безразличия к последствиям своих действий это нормы риска – его оправданность и целесообразность, в случае же равнодушия, упрямства и бесстыдства, передаваемых метафоризованными поговорками, это уже иные, но по-прежнему этические нормы.

Равнодушие как жизненная позиция стороннего наблюдателя расходуется с "нормой эмпатии" – сочувственного отношения человека к человеку, и передается в русском языке поговорками моя хата с краю – ничего не знаю; наше дело – сторона; в испанском – поговорками ni tiro ni aflojo; no entrar ni salir uno en una cosa; no es cuenta mía; meterse en su casa; no tener ni arte ni parte en algo; (estar) al otro lado del arroyo. Сюда же примыкают поговорки, отправляющие в определенных ситуациях речевого общения к "толстокожести", непробиваемости своего субъекта: русск. как к стене (об стену) горох(ом); как/что с гуся вода (небылые слова); como llamarle santo; ni que hablara uno a la pared; como quien (el que) oye llover; machacar (majar, martillar) en hierro frío; dar música a un sordo; como darle voces a un muerto.

Моральным сознанием осуждается упрямство как безразличие к нормам целесообразности и социального взаимодействия. И если в русском языке к упрямству отправляют поговорки типа у него хоть кол на голове теши и его в ступе не утолчешь, то в испанском здесь фигурирует целый ряд единиц: y dale que le des, a los zapatos; tejeretas han de ser; cerrado como pie de muleto; maldecido (maldito) de cocer; ¡dale, machaca!; aunque le mandaran (ni que le manden) frailes franciscos; con las fieras no sirven razones; no se le mete eso ni con cuchara; clavara un clavo con su cabeza; cara de pelar; como se empeñe en meter la cabeza por una parte la mete; es peor que las bestias; terco (tozudo) como (el) aragonés; más terco (tozudo/obstinado) que un aragones.

Лишь в русском языке представлены поговорки, осуждающие бесстыдство как безразличие к стыду и бесчестию: бесстыжему хоть плюй в глаза – все божья роса; купцу плюй в глаза, ему все божья роса; ему плюнь в глаза – скажет – божья роса.

Специфическим объектом метафоризованных поговорок в русском и в испанском языках могут быть неприятности, выпадающие заслуженно или незаслуженно на долю другого. В русском языке это единицы за чужой щекой зуб не болит; поделом вору мука; туда ему и дорога; собаке – собачья смерть. В испанском языке эта группа несколько многочисленнее и включает единицы ahí me las den todas; al que le

pique que se rasgue; ¡y yo con la pena!; al prójimo contra una esquina; pápenle duelos; que se fastidie; que lo monden; ¡y vuelve por otra!

Однако другая группа метафоризованных паремий, передающих безразличие субъекта к волеизъявлению или желанию другого, многочисленнее в русском языке: *дело хозяйское; охота пуще неволи; хозяин – барин; вольному воля (спасенному рай), ходячему путь, лежащему кнут; твой дом – твоя и воля; твой колокол – хоть звони, хоть об угол/дан попу колокол: хоть звони, хоть об угол колоти; твой мосол – хоть гложи, хоть под стол; своя рука – владыка; кочерга в печи хозяйка; вольно было Фомушке жениться на вдовушке; вольно всякому на своей земле яму копать; вольно собаке на владыку лаять/вольно собаке на небо лаять; вольно черту в своем болоте бродить; дуракам закон не писан. Как правило, желание "протагониста" подобного высказывания субъектом безразличия осуждается как неразумное, неправомерное, капризное. В испанском языке эта группа паремий представлена значительно беднее и не столь пейоративно окрашена: *su alma en su palma; con su pan se lo coma; allá te las gobiernes/se la gobiernen; allá él; allá se las (lo) avenga; allá se las entienda/haya; allá te las campaneas.**

И в русской, и в испанской паремиологии безразличие может быть представлено через свое внешнее проявление, вернее, отсутствие у субъекта должной реакции, причем в русском языке здесь по большей части фигурируют вербализованные соматизмы в чистом виде: русск. *как ни в чем не бывало; ему хоть глаз коли – он другой подставит/ему ворон глаз клюет, а он и носом не ведет; а он и глазом не моргнул; и (даже) бровью (глазом, ухом, усом, носом) не вестит/повести; (и) в ус (себе) не дуть; ни в одном глазу; исп. quedarse uno muy sí señor/como si tal cosa; me quedé como estaba; ¡y él tan campante/orondo!; se quedó como el que se bebe un vaso de agua; como si callaras/cantaras.*

И в русской, и в испанской паремиологии выделяется группа единиц, передающих безразличие к чужой речи: русск. *собака лает, караван идет; собака лает, ветер носит; брань на воротах не висит; мели, Емеля, твоя неделя; исп. dejar que corra el aire; las palabras se toman como de quien vienen; más dijeron de Nuestro Señor Jesucristo; como si cantara un grillo; déjales que digan misa; (hasta) que digan misa; son misas de salud.*

И в русском, и в испанском языках однотипно передается безразличие к уходу или исчезновению объекта, в сохранении или удержании которого говорящий, как можно было предполагать, был заинтересован: русск. *Скатертью дорожка!; Баба с возу – кобыле легче; исп. ¡Buen viaje!; ¡A Dios Madrid, que te quedas sin gente!*

Однако лишь в русском языке существует паремия, передающая безразличие к физической красоте женщины: *с лица воды не пить, умела б пироги печь.*

На периферии лексико-семантического поля безразличия, передаваемого метафоризованными паремиями, в обоих языках находятся единицы, в семантику которых безразличие включено в качестве компонента, входящего в состав более сложных семантико-синтаксических или коммуникативных смыслов: уступительно-компенсационных отношений, значений утешения, призыва к смирению. Так, безразличие входит в семантический состав уступительно-компенсационных отношений как указание на незначимость отрицательно оцениваемой пропозиции А на фоне положительно оцениваемой пропозиции В: неприятные моменты Х компенсируются в глазах говорящего достоинствами Y. В русском языке сюда попадают паремии *не было бы счастья, да несчастье помогло; нет худа без добра; хоть горшком назови, только в печку не ставь; чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало; нам хоть бы пес, лишь бы яйца нес; нам хоть песок, только б солил. В испанском языке это единицы *no hay mal quepor bien no venga; a estocada por cornada/por mochada; dame pan y dime tonto; caballo que no ande que sea grande.**

Коммуникативно ориентированными на второе лицо являются метафоризованные

паремии, передающие речевой смысл "утешение": русск. *ничего, не обращай внимания, это с каждым бывает; могло быть и хуже, еще все переменится к лучшему* и пр. В русском языке сюда попадают единицы и на старуху бывает проруха; и на большие умы живет промашка; и на доброго коня бывает спотычка; за одного битого двух небитых дают, да и то не берут; перемелется – мука будет; грех да беда на кого не живет; терпи, казак – атаманом будешь; дождь не дубина, не убьет, беда не смерть, в гроб не уберет; три к носу – все пройдет; будет и на нашей улице праздник; стыд не дым, глаза не ест; (на нем) свет клином не сошелся. В испанском языке в эту группу попадают речения *al mejor cazador se le va la liebre; en todas partes cuecen habas (y en mi casa a calderadas); el que mas mira...; al mejor mono se le cae el zapote; eso le puede pasar al más pintado; ¡ni que fuera uno un santo!; más se perdió en la batalla de Ocaña; si una puerta se cierra ciento se abren; cosas que van y vienen; el mundo da gusto a todos; el mundo da muchas vueltas*. Как можно заметить, наиболее специфически русской в этой семантической группе является паремия *стыд – не дым, глаза не ест*.

Самой многочисленной среди периферийных метафоризованных паремий является группа единиц, в семантическом составе которых безразличие выступает в форме призыва к смирению (*делай не делай, пытайся не пытайся, сопротивляйся не сопротивляйся, в с е р а в н о ничего не изменишь*). Бесполезность усилий может быть обусловлена общей ситуацией: русск. *своей тени не обгоняешь; своего локтя не укусишь; где беде быть, там ее не миновать; выше головы не прыгнешь/поперек себя не перепрыгнешь; и большой бадьей реки не вычерпать; шилом моря не нагреешь; вчерашнего дня не воротишь; пролитую воду не соберешь; моря веслом не распрялещешь; моря не разгородишь; море песком не засыплешь; против лома нет приема; плечью обуха не перешибешь; лбом стену не прошибешь; сила ломит и солонушку; мешком солнышко не поймает; ветра в рукавицу не поймает; за ветром в поле не угоняйся; против рожна не попреши; шила в мешке не утаишь; голод не тетка; (как) мертвому припарки; было, да былшем поросло; было стрижено, а теперь брито; было добро, да давно, а будет опять, да долго ждать; исп. *a la fuerza ahorcan; la necesidad tiene cara de hereje; no hay (más) remedio; meter la mar en un pozo; vaciar el mar; cocear contra el aguijón; como dar una puñalada en el cielo; la cosa no tiene apelación; no tener quite una cosa; lo hecho hecho está; lo pasado, pasado (está); ser agua pasada; chilló el cochino*. Для русского языка здесь характерно присутствие единиц с квантором общности – *всех нищих не перецеголяешь; всех покойников не оплакать; всех речей не переслушаешь; всех сластей не переешь; всех нарядов не переносишь; всех угодий к одной полосе не подберешь*. Ряд метафоризованных паремий этой периферийной группы и в русском, и в испанском языках передает бесполезность усилий, направленных на исправление личностных характеристик кого-либо: русск. *горбатого могила исправит; черного кобеля не отмоешь добела; сколько волка не корми, он в лес смотрит; дурака учить – в решете воду носить; ученого учить – только портить; старого пса к цепи не приучишь; старого учить, что мертвого лечить; исп. *es como el zorro que muda los años y no las mañas; sobre negro no hay tintura; genio y figura (hasta la sepultura); mudar de condición es a par de muerte; al que nace harrigón, es al ñado que lo fajen/el que nace harrigon, aunque lo fajen*. И в русском, и в испанском языках есть выражение бессмысленности переживания по поводу утраты части, в то время как утрачено целое: русск. *снявши голову по волосам не плачут; исп. *echar la soga tras el caldero*. И в русском, и в испанском языках есть выражения, отправляющие к бессмысленности активности после того, как дело сделано: русск. *после драки кулаками не машут; исп. *ya está hecho el gasto y la gente junta*. Специфически русскими являются выражения *перед смертью не надышишься* (бессмысленно тянуть время), *лес рубят – щепки летят* (невозможно избежать****

нежелательных побочных явлений), *назвался груздем – полезай в кузов* (хочешь не хочешь, а надо выполнять должное/обещанное), *с возу упало – пиши пропало* (что потеряно, то потеряно).

Вне семантической классификации остаются паремии, как правило не имеющие межъязыковых соответствий: русск. *своя ноша не тяжела/не тянет*; *свое время легко*; исп. *como yo no soy río, tras me vuelvo* "мало ли что я раньше говорил"; *penas a un lado, cuidados a otro y el cuerpo en medio* "не тужи"; *cuando se muere un fraile* "ну и пусть, наплевать"; *más ganancia* "тем лучше, мне больше останется".

Если пословичные изречения представляют собой знаки и модели различных типовых жизненных ситуаций [Пермяков 1988: 84], то, очевидно, отсутствие в языке паремий на определенную тематику свидетельствует о том, что эта тема (ситуация) типичной для речевого общения носителей данного языка не является и их отношение к ней в число базовых характеристик языковой личности не входит. В свою очередь, отличия национально-культурных прототипов личностей-носителей определенных естественных языков могут быть и, чаще всего, являются не лакунарными, а градуальными – по степени представленности в них каких-либо признаков, что отражается на диверсификации этих признаков в языке: числе однократных паремий, отличных друг от друга по своему образному строю (фразеологическому образу) [Солодуб 1990: 58–61]) и денотатному наполнению.

Сопоставление корпуса метафоризованных паремиологических единиц, передающих безразличие в русском и испанском языках, свидетельствует, прежде всего, об отсутствии радикальных культурно-психологических отличий в складах русской и испанской языковой личности, что и не удивительно, поскольку испанский язык (его культурный компонент) отстоит от русского совсем не так далеко, как, скажем, язык папуасов Новой Гвинеи, в котором отсутствуют различия эмоций страха и удивления [Wierzbicka 1986: 593]. Кроме того, безразличие составляет лишь небольшой фрагмент общей психологической "карты" языковой личности, и трудно ожидать от него отражения всей полноты ее облика.

Тем не менее, подобное сопоставление показывает, что русская языковая личность с большей нетерпимостью, чем испанская, относится к "половинчатости", качественной неопределенности человека, ей более свойственен максимализм ("все или ничего") в ситуации риска, она терпимее к волеизъявлениям и желаниям другого. В свою очередь, испанская языковая личность большее внимание уделяет такой моральной характеристике своего речевого партнера, как упрямство.

С другой стороны, на фоне нейтральности испанской языковой личности русская озабочена проблемами стыда и совести, бренности существования. Лишь для русской языковой личности значимыми оказываются ситуации затягивания времени, невозможности избежания отрицательных последствий, окончательности утраты, отсутствия физической красоты у женщины и груза собственных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р. 1975 – Основы семиологии // Структурализм "за" и "против". М., 1975.
Богин Г.И. 1975 – Уровни и компоненты речевой способности. Калинин. 1975.
Богин Г.И. 1986 – Типология понимания текста. Калинин. 1986.
Вольф Е.М. 1985 – Функциональная семантика оценки. М., 1985.
Воркачев С.Г. 1992 – Значение срединной области аксиологической оценки в языке // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1992. № 7.
Воркачев С.Г. 1993 – Речевые поступки и оценка моральных качеств личности: показатели безразличия в психологических отношениях // ФН. 1993. № 3.
Воркачев С.Г. 1995 – Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // ФН. 1995. № 3.
Джеймс У. 1982 – Личность // Психология личности. Тексты. М., 1982. ИРФС 1985 – Испанско-русский фразеологический словарь. М., 1985.
Кабакова Г.И. 1993 – Французская этнолингвистика: проблематика и методология // ВЯ. 1993. № 6.

- Карасик В.И.* 1994 – Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // *Филология*. 1994. № 3.
- Караулов Ю.Н.* 1987 – Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Пермяков Г.Л.* 1988 – Основы структурной паремиологии. М., 1988.
- Психология 1990 – Психология. Словарь. М., 1990.
- РПП 1988 – Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
- Сентенберг И.В.* 1994 – Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // *Языковая личность: Проблемы значения и смысла*. Волгоград, 1994.
- Солодуб Ю.П.* 1990 – Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // *ФН*. 1990. № 6.
- Сепир Э.* 1993 – Язык. Введение в изучение речи // *Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М., 1993.
- ФСРЯ. 1986 – Фразеологический словарь русского языка. М., 1986.
- Drever J.* 1981 – *The Pinguin dictionary of psychology*. Aylesbury. 1981.
- Wierzbicka A.* 1986 – Human emotions: universal or culture-specific? // *American anthropologist*. 1986. V. 88. № 3.